

A close-up portrait of a woman with long, wavy brown hair and striking green eyes. She is wearing a headpiece made of green leaves and a necklace with a large green teardrop pendant. The background is a soft-focus green forest.

Алекс Акимото

"Духи и Духи"

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алекс Акимото

"Духи и Духи"

<https://litres.ru/74314827>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мужчина падает в ледяную карельскую реку и просыпается в избе без окон. Две женщины кормят его ухой. Одна говорит: «Судьба твоя, соколик». И он понимает, что не хочет уходить.

Но память не отпускает. Церковные привороты и ведьмы, плюющие на иконы. Клубные туалеты и задние сиденья перед Новодевичьим. Уродливая Елена и пирог из баранины. Разрушение. Мелида, отливающая воском змею с его шеи. Олег, несущий цепь двадцать шесть лет и убитый в подъезде между третьим и четвёртым.

Всё вело сюда. К костру. К полыни. К изумрудным глазам. К девочке по имени Заря, которая открывает глаза и смотрит не моргая. Запоминая навсегда. Не прощаясь. Не оставаясь. Улетая.

Это не мистика. Не эзотерика. Не фэнтези. Это жизнь. Со всеми её матюками, бабами, приворотами, мертвецами, русалками и берёзовыми дровами.

Гой еси. Гой.

Содержание

Глава	4
ОГЛАВЛЕНИЕ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА	6
ЧАСТЬ I. ИЗБА	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

"Духи и Духи"

Глава

Тогда Тень почувствовала, что есть тот, кто сильнее её. Она позавидовала и, когда забеременела от себя самой, тотчас родила Зависть. С того дня появилось начало Зависти во всех Эонах и их мирах. Зависть же та — нашли её подобной выкидышу, в котором нет духа. Он стал подобен теням в великой водной субстанции.

Библиотека Наг-Хаммади, «О происхождении мира»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора

Часть I. ИЗБА (*настоящее*) Глава 1. Пробуждение Глава

2. Мир Лады Глава 3. Страсть

Часть II. ВЕНЕЦ (*воспоминание*) Глава 4. Обряд Глава

5. Николай и Анна

Часть III. НАВЬ (*воспоминание*) Глава 6. Морг Глава 7.

Бабушка Маша. Русалка. Лесунья

Часть IV. РОДНИК (*воспоминание*) Глава 8. Карелия.

Шторм. Падение

Часть V. ПРИВОРОТ (*воспоминание*) Глава 9. Олег.

Клуб. Елена. Пирог Глава 10. Разрушение. Мелида Глава 11.

Олег. Два пути

Часть VI. КРОВЬ (*воспоминание*) Глава 12. Приворот на

крови. Карма. Клятвы

Часть VII. РОД (*воспоминание*) Глава 13. Славянская

свадьба. Каравай

Часть VIII. МАТРОНА (*воспоминание*) Глава 14. По-

кровский монастырь. Спортзал

Часть IX. СУДЬБА (*настоящее*) Глава 15. Мир Лады.

Откровение Глава 16. Дочь. Расставание Глава 17. Он будет

Эпилог Послесловие автора

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга не для всех. И я говорю это не ради красного словца или дешёвой интриги, которой так любят баловаться современные писаки, лепящие на обложки своих творений ярлыки «бестселлер» и «сенсация».

Эта книга для тех, кто устал. Устал врать себе. Устал делать вид, что жизнь — это бесконечная лента в телефоне, ипотека, корпоратив, развод, алименты и таблетка от давления в сорок лет. Устал притворяться, что любовь — это бабочки в животе, а венчание в церкви — благословение свыше. Устал не знать, кто он, откуда пришёл и зачем его сюда бросили.

Я не писатель в том смысле, который вкладывают в это слово литературные институты и критики, заседающие в жюри премий. Я не подбирал слова годами, не вылизывал метафоры и не выстраивал сюжет по канонам трёхактной структуры. Я просто рассказываю. Как есть. Как было. Как пахло.

Потому что вся моя жизнь — а мне довелось обмывать мертвецов в лихие девяностые, тренировать каратистов в бывшем храме, быть привороженным страшной женщиной и спасённым не менее страшной, падать в ледяную карельскую реку и просыпаться в избе без окон — вся моя жизнь была связана с запахами. Зловонными, сладкими, горько-кислыми, нейтральными. И каждый запах вёл к чему-то большему.

К тому, что мы называем Духами. И к тому, что мы называем духами.

В этой книге есть всё, что принято прятать. Кровь месячных и церковные бесы. Привороты и отливки воском. Русалки и Лесунии. Священники, которых я называю чёрными жрецами, и ведьмы, которые честнее большинства из них.

Кому-то будет оскорбительно. Кому-то страшно. Кто-то закроет книгу на второй главе и скажет: «Бред сумасшедшего». И будет по-своему прав. Потому что сумасшествие — это видеть то, чего не видят другие. И говорить то, что другие боятся даже подумать.

Я не призываю верить мне. Я призываю думать. Задавать вопросы. Почему священник желает жениху быть как Иаков, обманувший отца и зачавший детей от четырёх женщин? Почему невесте желают быть как Рахиль, продавшая мужа за овощи и умершая в родах? Почему слово «невеста» означает «не имеющая вести»? Почему статистика разводов в древней Руси была один-два процента, а сегодня — семьдесят?

Ответы не в этой книге. Ответы в вас. Я лишь даю направление взгляда.

Эта книга написана для моих сыновей. И для тех, кто близок мне. И для тех, кому интересен опыт человека, который прошёл через всё это и не сломался. Который понял, что любви в её физической проявленности на земле не существует. Но есть нечто большее. То, что не объяснишь дофамином и окситоцином. То, что живёт в запахе берёзовых дров в ка-

рельской избе. В изумрудных глазах женщины, которая кормит тебя ухой и говорит: «Судьба твоя, соколик».

Не судите строго. Я не литератор. Я живой человек, который рассказывает свою историю. Со всеми её матюками, со всеми её бабами, со всеми её духами и Духами.

Гой еси. Гой.

Алекс Акимото

ЧАСТЬ I. ИЗБА

Глава 1

Тихое потрескивание костра и запах терпкого полынно-горького дыма стал доноситься откуда-то издали. И тихий, урывками, женский с хрипотцой голос, то нарастающий, то резко пропадающий, будто нестабильный приём радиоволны, доносил до меня:

«Духи Рек, воды тьмы Нави и Света Прави... ..вода Сестрица, земли Матери кровища... Не печаль моё сердёнько... Прими поклон и дары... Отпусти... Возверни...»

И я вновь провалился в чёрную яму. Летел, кажется, долго. И сердце колотилось, обуянное страхом, что вот-вот ударюсь об дно и расшибусь вдребезги.

Изнутри в груди меня как будто ударило чем-то тяжёлым, гулким. Я открыл глаза. Не шевелясь, взглядом обвёл всё вокруг, лёжа на чём-то твёрдом, но застланном и укрытый оленьими шкурами, на топчане. Голова гудела, губы высохли и потрескались. Страшно хотелось пить. С усилием я облизнул потрескавшиеся губы, почувствовав вкус крови. Как будто мои губы кровоточили, и ранки на губах задержали на себе капельки застывшей крови.

Попытался пошевелить руками — и не понял. Такое ощу-

щение, что ни ног, ни рук у меня нет. «Так, — сказал я себе. — Это что за херня? Почему я ничего не чувствую?» Я повторил попытку снова, стараясь привстать, но и это оказалось тщетным занятием. Я лежал без движения, как труп.

Ужас охватил всё моё сознание. И растерянность. Что это? Почему?

Медленно, с трудом приводя свой покой в равновесие путём замедления вдоха и выдоха, осознание моё всё-таки стало приходить в более или менее ясное состояние. Во рту появился полынный вкус — такой терпкий и неприятный, как когда-то в Москве, в ночном клубе «SOHO», меня в компании моих партнёров по случаю завершения сделки и получения большой прибыли с продажи одного гавёненкокого убыточного завода на Урале уговорили выпить самбуку, закусывая её кофейными зёрнами. Гавно ещё то, скажу я вам.

И вот такое же ощущение появилось в этот раз у меня, лёжа чёрт знает где, обездвиженным и, как оказалось, совсем голым, укрытым оленьими шкурами. То ли в доме, то ли в землянке, а то ли в яме, но с деревянными стенами из почерневших от времени и копоты брёвен, в которых не было даже окон.

Как будто не своим голосом, я произнёс в темноту совсем не слушающимся меня языком:

— Тут есть кто-нибудь?

Подождав пару мгновений и вслушиваясь в тишину сквозь потрескивание и шипение огня, а затем, не услышав

ответа, я снова повторил фразу:

— Тут есть кто-нибудь?

То ли топчан, то ли деревянная кровать, на которой я лежал как якут в мехах, стояла в одном из углов прямоугольного помещения примерно четыре на пять метров. В противоположной стороне от входной двери, больше похожей на невысокую калитку, оббитую изнутри непонятно каким то ли тряпьем, то ли мехами, что в полутьмах и не разберёшь. И я мог видеть все остальные противоположные углы, едва-едва освещаемые костром, обложенным небольшими вокруг камнями, расположенными в центре помещения и обрамляющих этот костёр, над которым на металлической треноге висел железный — или, мать его, алюминиевый — закопчённый дымом чёрный котелок.

На мои призывы никто не откликнулся. Но в обоих углах, которые лишь силуэтами могли быть определены на глаз, по очереди что-то стало шевелиться. Мне искренне стало очень не по себе. Шевеление стало сопровождаться то ли сопением, то ли так проявлялось дыхание неизвестных мне существ. Но ощущение накатывающегося на меня ужаса стало нарастать с каждым таким новым шевелением всё больше и больше. Страха добавляли колышущиеся языки пламени костра, придающие увиденному ещё больше устрашающих мыслей. И осознание того, что я беспомощно лежу обездвиженный и не в состоянии никак этому даже противостоять, если на меня что-то нападёт, — и это меня стало вгонять в

состояние, близкое к панической истерике.

Насколько это было возможно физически в том состоянии, в котором я был, я скосил глаза в сторону шевелящихся поочерёдно существ в углах — или, чёрт их знает, кого, — с колотящимся сердцем в моей груди, как будто это было не сердце, а локомотив, мчащийся в пропасть.

Затем в правом углу сначала появилась то ли из-под лохмотьев, то ли из-под мехов нечто похожее на человеческую ногу. И затем появилась ещё одна — подобие ноги без одежды и даже без носков или чего-либо. И потому что пол, на котором это лежало, был земляным, и наверняка лежать голым на нём было мало приятного, по крайней мере в моём понимании, — и это ещё больше привносило сумятицу в понимание того, что же это, блядь, такое? Что за невидаль, мать твою?!

Движение в этом углу прекратилось, а вытянутые конечности, смутно различимые в темноте, замерли. В левом же углу, наоборот, нечто привстало и, по всему судя по позе, на четвереньках, а затем присело на задницу, прислонившись спиной к стене. Силуэты и очертания напоминали человеческие, но сказать это утвердительно, с полной уверенностью, я не мог. Темнота и ужас не давали мне возможности трезво оценить обстановку и реагировать спокойно на происходящее со мной и всем тем, что творилось перед моими глазами в этот момент. Ни о чём другом, естественно, как о мыслях, что это какая-то нечисть, не было.

Затем наступила тишина. Всё замерло, как будто ничего не происходило. Нечто похожее на ноги человека продолжало неподвижно лежать. Как и то, что сидело в левом углу, не подавая никаких признаков жизни. Костёр медленно догорал, и его тёплые языки пламени лишь изредка слабыми всполохами едва освещали тёмные стены помещения. Я же мысленно молил его не гаснуть, потому что тогда во тьме я и вовсе боялся умом тронуться от неожиданности, если какая-нибудь сущность вдруг начнёт выкидывать фокусы.

Неожиданно раздался звук открывающейся двери с сильным скрежетом, как будто гвоздодёром или фомкой из бревна тащили старую ржавую железную скобу. Затем послышались приближающиеся шаги двух пар — по всему слышимому — ног. «Ну, думаю, если это люди, то может и ничего страшного не случилось, как я тут себя накрутил», — промелькнуло в моей голове.

— Ну что, милочка, пришёл в себя? — сказал женский голос с интонацией, какой обычно говорят пожилые женщины. Не с укоризной, не с удивлением, а с некой констатацией произошедшего: мол, угораздило тебя, как и ожидалось, по неосторожности. А ведь предупреждали.

Манерой обращения и нотками, которые точно не спутаешь с молодым девичьим звоном, коим наделяет человека природа по мере прожитых лет каждого.

Трудно было догадаться, сколько времени я пролежал, потому что у меня не было никакого представления, что же со

мною случилось с мгновения моего удара обо что-то. И это единственное, что я помню, и после чего наступил провал. Возможно, это был камень или бревно, зажатое между камнями, которых очень много на речных порогах.

Женщина, склонившаяся почти в темноте надо мною, разговаривала со мною на манер, каким говорят старики северных народов — окая и протягивая слова. И я признаюсь честно: очень любил с бабульками в сибирских глухих деревнях посидеть на завалинке вечером и слушать их разговоры о былом и насущном. А нередко их песнопения, пробирающие меня до дрожи в сердце и накатывания слёз на глаза от задушевности, наполняющей меня от тепла услышанных слов, смысл которых многих я даже не понимал.

В молодости — а я бы сказал, в отрочестве — мои друзья детства, переехавшие в Новосибирск из столицы, приглашали меня на летние каникулы в гости. И мы шумно проводили каникулы именно в деревнях, далеко от цивилизации, за добрую сотню с лишним километров, у родни моих одноклассников. Это было, наверное, самая прекрасная пора, самое лучшее время моих детских воспоминаний.

А я молода, и вяну как и трава. Кину брошу мир, пойду в монастырь.

Там я буду жить, всем людям служить. Там я выстрою келию новую.

Келию новую, трёхаконную. Первое окно во чисто поле. Другое окно во синёе море. Третье окно во мой зелён сад...

— Где я?!

Было моим первым вопросом, прошамканным непослушными губами и языком, налитым тяжестью то ли онемения, то ли от страха, или от отсутствия сил говорить. И прозвучало это как будто сухой лист скомкали между ладоней.

От обоих подошедших к моей лежанке пахло ромашками и горькой полынью. Прохладная и очень мягкая женская рука легла мне на лоб, затем провела по лицу, ощупала грудь и живот, что привело меня в небольшое замешательство и смущение от неожиданности.

А после второй голос, что чуть помоложе и помягче, ответил:

— Ну, ещё тебе, милоч, полежать надобно денёк-другой.

— Какой денёк? — с трудом ответил я. — В лагере меня поди уже ищут с собаками.

— Уж не знаю, с какими там собаками, но в такую погоду собаки точно носа на двор не кажут из избы, — мягко и вновь слегка окая, проворковал более молодой и высокий голос. И затем, продолжив, добавил: — Максиму Ильичу мы сказали, что ты у нас. Чтобы он не полошился. Так что отдыхай, набирайся сил, а там и далече будет видно.

Затем обе женщины отошли от меня, не дав задать им вопросы. И пока одна разводила огонь, вторая принесла снаружи ведро с рыбой. И женщины, устроившись у небольшого деревянного корыта-долблёнки, стали чистить длинными ножами, поблёскивающими под языками пламени, речную

форель, не обращая на меня никакого внимания, всецело погружившись в процесс готовки.

В течение получаса помещение наполнилось ароматом рыбной ухи, пробудившего во мне просто зверский аппетит. Я молча лежал и наблюдал за женщинами, одетыми во всё длинное и простое. Их волосы были убраны под такие же простые платки, из-под которых выбивались пряди волос, цвет которых я не мог рассмотреть из-за полутёмного освещения и теней, причудливо прыгающих по чёрным бревенчатым стенам, на которых были развешаны пучки сухих трав и мешочки самых разных размеров, сшитых из грубой ткани наподобие мешковины. Под потолком висели гирлянды сушёной рыбы разных видов и размеров и вязанки грибов. В углу рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки, стоял большой сундук, на котором так же, как и на моём ложе, лежали оленье шкуры и подушка в виде матерчатого валика.

Уха поспела. И одна женщина из той, что помоложе, наполнив деревянную плошку ухой, подошла ко мне и, приподнимая мою голову, как бы умощая её на своих коленях, нечаянно пару раз ткнула меня губами и подбородком в свою, как оказалось, большую и упругую грудь, по моим ощущениям оказавшуюся без лифчика. И усевшись наконец, и удобно положив мою голову на свои колени, как маленького ребёнка, стала поить меня наваристым душистым бульоном с мелкими нежными кусочками форели, сразу растаявшими во рту.

Обволакивающий, маслянисто-густой вкус наваристой ухи потёк первым глотком в мой желудок. И затем ещё, и ещё. А с ними тут же стала приливать сила. И, о чёрт его подери, сразу же и как не кстати мне захотелось близости с этой женщиной. Это было крайне неловко, и я от этой своей неловкости покраснел. И моё смущение тут же заметила моя, так сказать, кормилица, потому что мягкая оленья шкура, которая прикрывала мою наготу, заметно приподнялась над моим животом. На что кормящая меня женщина заливисто, звонко, но по-доброму рассмеялась.

— Здоровеешь, мил человек, на глазах! — и снова захотала, прикрывая свои губы одной рукой и держа плоску с ухой в другой.

И тут та, что постарше, спросила:

— Почём смех-то, Ладушка?

И Лада — как оказалось, звали эту мою кормилицу, — продолжая смеяться, ответила:

— Да смешно как-то, матушка. Как дитё малое, с ложечки кормлю мужика-то здоровенного! Поди пудов семь точно будет. Одна голова как наковальня по весу, — улыбаясь и смотря с хитринкой мне в глаза, сказала Ладушка, продолжая смеяться, украдкой поглядывая на приподнятую бугром оленью шкуру над моим «животом».

В то мгновение я искренне был благодарен Ладе за то, что она не посрамила, не посмеялась надо мной перед взрослой тёткой, а оставила эту неожиданную неловкость, произошед-

шую с моей эрекцией, маленькой тайной, оставшейся между нами.

В паху ещё сильнее стало сжиматься, тесня напряжением оленьи шкуры. И острее чувствовалась пульсация в нижней части тела. А голова, вопреки моей непреодолимой похоти, тихо и настойчиво проваливалась в сон. И я, поглощаясь царством Морфея, едва успел подумать: «Как странно, желание головы на сей раз сильнее». И веки, смыкаясь, растворили еле уловимый образ улыбающейся Лады, склонённый над моим лицом.

И я уснул мертвецким сном.

Глава 2

На третий день я встал.

Не сразу. Сначала сел, потом опустил ноги на земляной пол, и ступни обдало прохладой земляного пола. Лада, стоявшая у очага, обернулась, увидела меня и не сказав ничего только кивнула. Как будто я не три дня лежал бревном, а просто задержался с пробуждением на полчаса.

— Пойдём, соколик, — сказала она. — Хватит в четырёх стенах лежать как калач на печи. Полежал — и будет те сокол ясный. Негоже валяться такому здоровяку как бревно топлёное, что река принесла. И Лада зазвенев серебряным смехом как козочка побежала впереди, лукаво оглядываясь как на того кого любят искренним сердцем, как будто мы знакомы уже вечность

И я пошёл за ней босой, в той чистой рубахе из грубого полотна, которую она мне положила рядом с лежанкой, пока я спал. Штаны из такой же ткани, подвязанные плетеной алой верёвкой и уги на ноги, тёплые, ещё пахнущие дымом и травами.

И когда я обувал их, мои руки почему то задрожали от легкого волнения. Как у совсем юного мальчишки, который впервые идёт на свидание. Как будто и не было тех толп клубных баб и череды любовниц. Не было Москвы, и не было ничего что могло связывать меня с тем миром, откуда я при-

шел.

Мать Лады — сидела у порога и молча плела что-то из бересты и не поднимая головы тихо сказала:

— Не отходи далеко, лес пока не твой. Духи с твоими духами не поладят. Гляди что Лада делает, то и сам старайся чай в гостях.

Спустя время, мне стало понятно, почему Катерина столь не разговорчивая и постоянно и без устали рукодельничает. Почему она плетёт по многу, и вяжет каждый день...

Кк оказалось, Катерина потеряла семерых детей. Всего за одну неделю семерых детей. Мал мала меньше. Первенец — мальчик, потом двойня, потом девочка... И последний — самый маленький, которому было три дня и ещё не умел даже толком кричать. Тихо, как птенец, - замер.

Болезнь пришла из городов. Из того, что называют прогрессом. И забрала всех. За одну неделю, семерых. И Катерина осталась, с Ладой. Которая тогда была совсем маленькой. И не понимала, почему мать не плачет, и почему мать не кричит а просто смотрит в одну точку, сидя безмолвно...

В первый день, когда смерть забрала первого. А затем умноженная на семь, боль не увеличивается. Она становится тишиной. Абсолютной. Полной, как дно колодца, куда не падает свет.

И с тех пор душа Катерины ушла. В те самые берёзы, белые, с чёрными полосками, которые стоят по берегам Пистайоки и дышат медленно, глубоко, как Лесовики.

Лада взяла меня за руку. Её ладонь была тёплой, шершавой, с мозолями на подушечках пальцев. И мы вышли.

Мир за порогом избы был не тот, что я знал до падения в воду.

Не то чтобы другой лес, другая река, другое небо. Нет. Всё было то же самое — карельская тайга, сентябрь, хариус в реке, журавлиные косяки в вышине. Но я видел его иначе. Или Лада показывала мне его иначе. Как будто кто-то снял с моих глаз плёнку, которую я носил тридцать пять лет и не знал, что она там.

Она вела меня по тропе, которая не была тропой. Между деревьями, которые не были деревьями. Я не могу объяснить это словами, потому что слов для этого нет. Но я попробую.

Вот берёза. Обычная берёза, белая, с чёрными полосками. Лада остановилась, положила ладонь на ствол и сказала:

— Слышишь?

Я прислушался. Ничего. Ветер. Птицы. Треск сучьев где-то далеко.

— Не ушами, — сказала Лада. Сердцем слушай.

И я положил ладонь на ствол. И почувствовал не звук, и не вибрацию, а что-то другое. Как будто внутри дерева кто-то дышит. Медленно, глубоко и интервалом в несколько минут. Как будто дерево спит и видит сон, который длится сотни лет. И этот сон тёплый, и в нём солнце с дождём творящих радугу.

Это Дух леса батюшки, — сказала Лада. — Не Леший, кто

путаает. А Батюшка лесной— тот, кто хранит. Он тут с того дня, как первый корень в землю ушёл. И будет тут, когда последний корень сгниёт, и после. Потому что Дух — это не дерево это жизнь наша.

Я стоял держа ладони на тёплом стволе дерева, и чувствовал себя глупым и несуразным, каким то кривым и черствым стесняясь всего что только мог здесь слышать, как будто шел по городу голым.

Лада вела меня дальше. И присев у рыжей хвойной кучи, указав рукой сказал, гляди... Вот муравейник.

— Видишь? Не муравьи. У них тут свой город. Свой царь и свои законы. Не лезь. Не ломай. Не трогай. Они тут раньше тебя. И будут после нас всех.

А вот камень волшебный, серый да мохнатый. Лада едва коснулась его пальцами, и достав краюшку хлеба, положила на него со словами обходя с уважением. Как обходят спящего медведя, и взяв меня за правую руку левой, а правую на камень серый положила и пылко так, с силой и громко сказала запрокинув лицо в небо как будто улетаая в него;

Именем Света, именем Рода, именем силы его! Перун насылает благость на призывавших её. Силу и славу, твердость и ярость, даждь Перун моему соколу в бою. Громом явленный, будь вдохновенным, волю яви свою. Именем Бога Седого Сварога воину силу даждь моему мужу предречоному. Сыну и брату рода моего, другу и вою, волю свою яви. Ныне и присно и от круга до круга! Тако бысть, тако еси,

тако буди гой еси, гой еси, гой!

А затем замерев, как будто прислушиваясь, улыбнулась и сказала, благодарю тебя батюшка и не отпуская мою руку, поклонилась камню и потянула меня дальше в чашу и резко вскинув руки мне на плечи, поцеловала меня стоя на цыпочках. И глядя в глаза сказала. Сокол мой ясный, жить тебе долгие годы в сердце со мной! А из глаз её, потекли слёзы, тяжелые и крупные как речные жемчужины.

Затем отвернулась смахивая слезу на ходу, показала рукой на ручей с водой как стекло синее. Водяной тут отдыхает. Днём его место любимое. Когда солнце высоко не ходи сюда, не буди. Осерчает старик.

Лада зачерпнула воду ладонью, поднесла к губам, не выпила. Поддержала чуток и вылила обратно что в ладонях осталось.

Водицу сестрицу, земли кровицу люби, как жизнь свою и уважай. Хочешь пить, пей да спросай и не важно где пьёшь и каких краях. Спросить обязательно нужно.

Я смотрел на неё. И думал: сколько лет она так живёт? Сколько лет каждое утро говорит «здравствуй» деревьям, камням, ручьям? Сколько лет просит разрешения у воды? И не сходит с ума. И не устаёт. И не хочет в город. В магазин. В кафе. В кино. В интернет. В мессенджер. В пробку. В офис. В лифт. В квартиру с пластиковыми окнами и запахом микроволновки.

Не хочет. Потому что здесь всё живое. А там всё мёртвое. И она это знает. Сердцем своим, душой голубиной.

Лада вела меня к реке. Не к тому месту, где мы разбили лагерь с Ильичём и Андреем. Дальше. Туда, где река расширялась и становилась тихой, почти стоячей. Где вода была тёмной, как крепкий чай, и в ней отражались деревья так чётко, что не понять, где верх, где низ. Где небо кончается и начинается вода. Где облака плывут не по небу, а по дну.

На берегу, в камышах, сидела русалка.

Та самая. С чешуйчатой кожей и перепончатыми пальцами. Та самая, что утатила бабушку Машу в омут семьдесят лет назад. Сидела, свесив ноги в воду, и расчёсывала волосы гребнем из рыбьей кости. Волосы длинные. Зелёные. Мокрые. Блестящие на солнце, как чешуя.

Я замер. Лада — нет.

— Здравствуй, сестрица, — сказала Лада. Спокойно. Как соседке через забор. Как будто каждый день видит русалок. А может, и видит. Каждый день.

Русалка подняла голову. Посмотрела на меня. И я почувствовал, как по спине пробежал холод. Не страх. Узнавание. Как будто она смотрела не на меня, а сквозь меня. Видела всё. Каждый приворот. Каждую бабу, мою страсть к деньгам и славе. Каждую бутылку вискаря, и каждую ложь. Каждую измену и порево в клубных туалетах и на заднем сиденьи перед Новодевичьим. Каждый рабочий мой день наполненный жадностью, лицемерием и неверием всем и даже самому се-

бе.

Русалка сказала что-то гортанно кричающе. Я не понял слов. Но Лада ответила:

— Он не из наших, но в сердце моём. Не серчай сестрица.

Русалка посмотрела на меня ещё раз. Долго. Внимательно. Как оценивают. Не тело. Не лицо. Душу. И нырнула. Бесшумно так. Как будто её не было. Только круги по воде. И запах такой терпкий, - рыбный...

— Она спрашивает, зачем ты тут, — перевела Лада. — Я сказала, что не знаю. Что ты сам не знаешь. Что тебя река привела.

Лада улыбнулась и добавила.

— Русалки не верят. Русалки знают. Она знает, зачем ты тут. Даже если ты это не ты.

Мы шли дальше. Лада показывала мне мир, в котором она жила. Не мир из книг, не мир из телевизора, не мир из интернета. Мир, в котором у каждой коряги есть имя. У каждого камня — память. У каждой реки — характер и беда.

Вот этот валун у воды — тут Водяной сидит, когда луна полная. Не злой. Просто тяжёлый. Не любит, когда его тревожат. А вот эта ива, склонившаяся над ручьём, — тут Кикимора живёт. Не злая тоже. Просто одинокая. Плачет по ночам, и ручей от этого становится солёным. Если прислушаться в полночь, можно услышать. Не плач. Пение. Тихое. Горькое. Как колыбельная для того, кого некому укачать.

А вон там, за тем холмом, где три сосны растут в ряд, —

там Духи бродят. И Лесунья с ними она не наша. Другая. Молодая ещё. Ей всего то двести лет. Она недавно пришла. Из-за Урала. У неё там своих не стало. Ходит. Смотрит. Привыкает. Не злая. Просто потерянная. Как я.

— А ты? — спросил я. — Ты откуда?

Лада остановилась. Посмотрела на меня. И в её изумрудных глазах я увидел что-то, чего не видел раньше. Не грусть. Не тоску. Что-то более глубокое. Как будто на дне колодца, куда не достаёт свет, лежит что-то тяжёлое и холодное. И это что-то — не камень. А память. О тех, кого больше нет.

— Из Сибирских лесов, — сказала она. — Давно. Мы шли долго. Нас было много. Род большой. Ворожеи, знахарки, те, кто с Духами говорит. Бабушки, матери, сёстры, тётки. Целый Род. Тридцать семь женщин. Тридцать семь голосов, которые знают язык леса, воды, огня и земли.

Она замолчала. Пошла дальше. Я за ней.

— Болезнь пришла, — сказала она, не оборачиваясь. — Не та, что тело ест. Другая. Та, что Духа ест. Пришла из городов. Из дыма. Из железа. Из того, что вы называете прогрессом. Из труб, которые плюют ядом в небо. Из дорог, которые режут лес на куски. Из проводов, которые висят над головой и гудят, как рой мёртвых пчёл. И стала косить. Не по одному. По десять. По двадцать. Бабушки уходили первыми. Тихо. Во сне. Как будто засыпали и не просыпались. Потом матери. Потом сёстры. Тётки. Дочери. Кто сильнее был — тот дольше держался. Но тоже уходил.

Она остановилась у дерева. Положила ладонь на кору. Как раньше. Но не для меня. Для себя. Как будто дерево могло утешить. Как будто кора тёплая, и под ней кто-то дышит, и это дыхание лечит.

— Остались мы. Я и мать. Катерина. Последние. Из всего Рода. Тридцать семь голосов. И два осталось. Мой и материн.

— А почему тут? Почему в этой избе?

Лада обернулась. И улыбнулась. Но улыбка была не радостная. Она была уставшая. Как улыбка человека, который шёл очень долго. И дошёл. И сел. И больше никуда не пойдёт.

— Потому что я не знаю другого мира, соколик. И не признаю его. Мне не нужен ваш мир. Ваши машины. Ваши телефоны. Ваши клубы, где вы друг друга ебёте в туалетах и называете это любовью. Ваши церкви, где бесы живут под куполами и называют это Богом. Ваши деньги, за которые вы продаёте друг друга. Ваши экраны, в которые вы смотрите вместо того, чтобы смотреть друг другу в глаза.

Она обвела рукой лес. Реку. Небо. Камыши. Валун. Иву. Берёзу, в которой дышал Лесовик. Муравейник с его царём и законами. Ручей, у которого нужно спрашивать разрешения.

— Вот мой мир. Тут Духи. Русалки, Лешие, Лесовик, Водяной. Кикимора. Они живые и ты их видел. Они настоящие и они тут. А ваш мир — пустой. Вы убили в нём всё живое и поставили вместо этого экраны. И сидите перед ними. И смотрите. И думаете, что живёте. А вы не живёте. Вы смотрите, как живут другие в этом экране.

Я молчал. Потому что нечего было ответить. Потому что она была права. И я это знал. Знал всегда. Но боялся признать.

Мы вернулись в избу к закату. Катерина уже поставила котелок. Пахло грибами и чем-то травяным, горьким, но приятным. Как лекарство, которое не хочется пить, но после которого становится легче.

Катерина посмотрела на меня. Впервые — прямо. Не как на больного. Не как на гостя. Как на человека.

— Видел? — спросила она.

— Видел, — ответил я.

Она кивнула. И больше не сказала ничего. Но в этом кивке было всё. Принятие. Ты видел мой мир. Ты не убежал. Ты не засмеялся. Ты не достал телефон, чтобы сфотографировать. Ты просто видел. И этого достаточно.

Глава 3

Ночью я не спал.

Лежал на своём топчане, укрытый оленьей шкурой, и слушал, как потрескивает костёр. Катерина спала на сундуке, отвернувшись к стене. Её дыхание было ровным, глубоким, как у человека, который не боится завтрашнего дня. Который прожил столько, что страх потерял смысл. Остался только покой. И береста в руках. И тихое посапывание.

Лада сидела у костра. Поджав ноги. В той самой белой рубаше. Расчёсывала волосы. Медленно. Гребень за гребнем. И каждый взмах был как маятник. Туда. Сюда. Туда. Сюда. И волосы падали на плечи, на спину, на колени. Чёрные. Густые. Живые. Блестящие в отблесках пламени, как река в лунном свете.

Я смотрел на неё. И она знала, что я смотрю. Не оборачивалась. Не смущалась. Просто расчёсывала волосы. И ждала. Чего? Не знаю. Может, меня. Может, утра. Может, того момента, когда тишина станет такой густой, что в ней можно будет утонуть.

— Лада, — сказал я. Тихо. Почти шёпотом.

Она не обернулась.

— Не спишь, кузнец?

— Не сплю.

— И я не сплю.

Тишина. Треск поленьев. Шум реки за стенами. Где-то далеко ухал филин. Где-то ближе шуршала мышь-полёвка. Мир дышал. Медленно. Глубоко. Как Лесовик в берёзе.

— Лада.

— Что, соколик?

— Зачем я тут?

Она обернулась. Посмотрела на меня. И в полутьме, в отблесках костра, её глаза были не изумрудными. Они были чёрными. Как омут. Как та река, где русалка сидела. Глубокие. Без дна. И в них не было ответа. Был только вопрос. Который она задавала мне. Молча. Без слов. Зачем ты сам думаешь, что ты тут?

— Я же тебе сказала. Судьба.

— А что это значит?

Она встала. Подошла ко мне. Медленно. Как кошка. Бесшумно. Присела на край топчана. И положила ладонь мне на грудь. Там, где сердце. И я почувствовал, как её пальцы нашли то место, где оно бьётся. И прижали. Не сильно. Нежно. Как прижимают бабочку, чтобы не улетела. Но и не раздавить.

— Это значит, что ты больше не уйдёшь, — сказала она.

— Не сегодня. Не завтра. Не через неделю. Ты останешься. Пока не поймёшь, зачем ты тут. А может, и после.

— А если я пойму?

— Тогда решишь сам. Уйти или остаться. Но пока ты не понял — ты тут. И это не я тебя держу. Это река держит. Это

лес держит. Это Духи держат. Я просто рядом.

Её ладонь была тёплой. Я чувствовал, как от неё идёт тепло. Не жар. Не огонь. Тепло. Как от печки зимой. Как от солнца в сентябре. Как от тела другого человека, который не хочет от тебя ничего. Который просто рядом. Который просто есть.

Я взял её руку. Прижал к груди. И почувствовал, как её пальцы дрогнули. Чуть-чуть. Едва заметно. Но дрогнули. И в этом дрогании было всё. Тридцать семь голосов Рода. Болезнь, которая выкосила их всех. Долгий путь из Сибирских лесов. Изба на берегу Пистайоки. Костёр. Полынь. Ромашки. Уха. И я, голый, обездвиженный. Привороженный, разрушенный, полностью потерянный. Приплывший по реке, как бревно сплавное, как щепка ненужная. Кого вода принесла и сказала: «Вот. Возьми. Он твой. Если хочешь».

— Лада.

— Что?

-- Иди ко мне

Она не засмеялась. Не смутилась. Не отвела глаза. Посмотрела на меня долгим пронзительным взглядом. И так внимательно, как будто читала не моё лицо и взгляд. А что то несоразмерно дикое, оторванное от людей и времени то, что даже мне не принадлежит. Что-то, что я сам в себе не видел никогда. А она видела.

— Знаю и вижу твое желание которое ты и сам не ведал. Я видела его тогда, когда ты ещё рыбачил и я видела тебя стоя

ельнике наблюдая за тобой, — сказала она. И твоя наковальня звенит уже с того часу, как ты прибыл сюда в эти края потому что душа твоя тебя сюда привела, суженный мой, сокол мой ясный.

И засмеялась шепотом. Тихо так, не звонко как раньше а как украдкой в школе во время уроков прилежная ученица опасаясь укора учителя. И так мягко, как будто смех был не для меня, а для себя. Для очага и этой ночи. Для Духа леса, берёзе, который слышал всё и наблюдал.

А потом она наклонилась, и поцеловала меня не в губы. В лоб. Как мать целует ребёнка, или как сестра целует брата. И как женщина целует мужчину, которого не хочет потерять. Её губы были тёплыми, сухими, и горько пахли полыньёю с ромашками. И чем-то ещё незнакомым, чему нет имени в моей памяти.

И я уснул. Не от трав. Не от усталости. От того, что впервые за много лет мне было не страшно.

На четвёртую ночь я не спал. И Лада не спала. И мы не говорили.

Катерина ушла к реке. Сказала: «Проведаю ставни». И не вернулась до утра. Может, ставни проводывала. Может, с Водяным говорила. Может, просто сидела на берегу и слушала, как вода несёт свои воды на север. В бесконечность. В леса, где нет ни мобильной связи, ни интернета, ни чертовых пробок со смогом и патрулями.

Лада пришла ко мне сама. Тихо. Бесшумно, как кошка,

сев на край топчана. И стала медленно расстёгивать свою рубашу. Медленно. Пуговица за пуговицей. Не торопясь. Не играя. Не соблазняя. Просто тихо снимая глядя мне в глаза, понимая всю силу власти надо мной и временем в это мгновение. Снимала как снимают одежду, когда жарко, когда больше не нужно прятаться и когда ты дома.

Рубаха упала. И я увидел всю её красоту уже не через ткань. Не в отблесках костра. А всю белую, тёплую, и такую живую и трепетную как пламы свечи. С родинкой на левом плече. С тонким шрамом на рёбрах, и с тяжёлой грудью, которая качалась в такт дыханию. Со шрамом над грудью, над которой была еле заметная полоска — след от чего-то давнего похожего на колотую рану. От чего — не спросил. Не нужно. У каждого есть шрамы, и родинки. Ведь это карта карта жизни. Карта тела. Карта того, кто ты есть и где ты был

Она легла рядом. И я обнял её. И она была тёплой. И пахла полынью. И ромашками. И рекой. И дымом. И чем-то ещё, чему нет имени. Чем-то, что бывает только у женщин, которые живут не в городе. Которые спят на оленьих шкурах. Которые расчёсывают волосы у костра. Которые говорят с русалками. Которые просят разрешения у ручья. Которые знают имя каждого дерева и характер каждого камня.

Мы были медленными, не спешными. И мне не нужно было торопиться как в клубном туалете или заднем сиденье авто, и не как с Леной, приворожённый, одурманенный, потерянный.

А как в первый раз. Как будто до этого ничего и никого не было. Как будто все те бабы — Катя, Света, Ирка, Лена, многие десятки других, безымянных, — были не со мной. Были с кем-то другим. с кем-то, кто жил до меня. И я начался здесь. В этой избе, и на этой шкуре. С этой женщиной, которая пахнет полынью и говорит русалкам «здравствуй, сестрица».

Лада дышала глубоко, ровно. Как река за стенами, как лес вокруг ночью. И каждый выдох — как откат. И я двигался не торопясь, не доказывая что дескать смотри ёпть как я могу. Не трахая! А любя, впервые в жизни и по-настоящему. Находясь при трезвом уме и памяти а не в пьяном угаре куражась от клуба к клубу.

Влюблённый мужчина не умеет врать и лицемерить, он не притворяется. Он просто любит. Лада прижалась ко мне всем телом и прошептала:

— Вот теперь ты тут, соколик. Вот теперь ты здесь.

И я уснул. И не снилось мне ничего. Впервые за двадцать лет.

Утром я проснулся. Лады рядом не было. Костёр догорал. В избе пахло дымом и травами. Я лежал и смотрел в потолок. На чёрные брёвна, н гирлянды сушёной рыбы. На мешочки с травами. На ведро-дымоход, перевёрнутое кверху дном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.